

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (74)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лаксельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., Тюменский ун-т;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Тишкин А.А., д.и.н., Алтайский ун-т;
Томилов Н.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чижишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Грушин С.П., д.и.н., Алтайский ун-т; Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония);
Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Куфтерин В.В., д.б.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН;
Лычагина Е.Л., д.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический ун-т;
Мыльникова Л.Н., д.и.н., ИАЭТ СО РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Пинхаси Р., PhD, Венский ун-т (Австрия); Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга (Швеция); Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН; Шорин А.Ф., д.и.н., ИИиА УрО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (74)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology UB RAS (Chelyabinsk, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Altai State University (Barnaul, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, Margulan Insitiute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Grushin S.P., Doctor of History, Altai State University (Barnaul, Russia)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg, Russia)
Kufferin V.V., Doctor of Biology, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Lychagina E.L., Doctor of History, Perm State Humanitarian and Pedagogical University (Perm, Russia)
Mylnikova L.N., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University of Vienna (Vienna, Austria)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, University Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
Shorin A.F., Doctor of History, Institute of History and Archaeology UB RAS (Yekaterinburg, Russia)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Третьяков Е.А.

ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, gor-tom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ АНДРЮШИНА ГОРОДКА: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРТИФИКАЦИЙ ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Аннотация. Рассматривается эволюция фортификационных сооружений Андрюшина городка — крупнейшего укрепленного поселения позднего железного века в Нижнем Притоболье (Тюменская обл.). На основе повторного стратиграфического анализа траншей И.Я. Слозцова (1883 г.) и В.Н. Чернецова (1951 г.) делается ряд важных уточнений, связанных с хронологизацией напластований и определением периодов обновления оборонительных сооружений. В ходе работ 2025 г. было выделено минимум четыре периода строительства оборонительных линий. Первые укрепления в виде частокола появились во II–III вв. («ярсалинский этап»). В IV–V вв. (карымский этап) система была усилена рвом и земляным валом. В VI–VIII вв. (бакальская культура) ров был обновлен. Наиболее масштабная перестройка произошла в IX–XI вв. (юдинская культура), когда был выкопан самый глубокий ров, увеличен вал, а планиграфия крепости изменена за счет «отсечения» западной, более острой части площадки. Делается вывод, что динамика перестроек фортификаций отражает смену культурных традиций, носители которых проникали в Нижнее Притоболье из разных регионов Западной Сибири.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, Андреевская озерная система, эпоха позднего железного века, Средневековье, фортификация.

Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ, № 126022618029-1.

Цитирование: Третьяков Е.А. Оборонительные сооружения Андрюшина городка: эволюция фортификаций позднего железного века в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 116–129.

Введение

Для периода середины I — первой половины II тыс. н.э. на обширной территории Западной Сибири уже устойчиво закрепилось привнесенное из западноевропейской истории понятие «Средние века». В сущности, этот термин в разных регионах Евразии в силу отличия социально-экономических процессов весьма условен и не всегда отражает один и тот же смысл — как минимум в силу отсутствия выраженного феодального устройства общества в отдаленных от Западной Европы западносибирских лесах. Тем не менее некоторые авторы настаивали и настаивают на употреблении альтернативных терминов для западносибирской периодизации. В своем учебном пособии «Археология Западно-Сибирской равнины» Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков предлагают отказаться от понятия «Средние века» в отношении материалов V–XV вв., рассматривая древности этого времени через призму другого конструкта — «Древнетюркской эпохи» [Троицкая, Новиков, 2004, с. 89–91]. Еще одним термином, который весьма широко употреблялся по отношению к памятникам середины I — первой половины II тыс. н.э. в работах второй половины XX в., был «поздний железный век», обозначающий составной этап длительного железного века [Викторова, Морозов, 1993; Викторова, Кернер, 2009; Матвеева, 2016]. В основе этой периодизации лежала идея стадийного развития культуры западносибирских обществ, которые складываются здесь еще в I тыс. до н.э. и продолжают развиваться вплоть до этнографического времени.

Первым фундаментальным обобщением материалов железного века стала работа В.Н. Чернецова «Нижнее Приобье в I тыс. н.э.» (1957), где под Приобьем автор понимал равнинную территорию Западной Сибири со всеми притоками р. Оби, включая Нижнее Притоболье. Здесь им были исследованы опорные памятники, в том числе многослойные поселения на Андреевских озерах. Итогом изысканий стала периодизация, разбитая на четыре основных этапа развития материальной культуры местного населения: ярсалинский (II–III вв.), карымский (IV–V вв.), оронтурский (VI–IX вв.) и кинтусовский (X–XIII вв.) [Чернецов, 1957, с. 180–224].

Дальнейшее развитие и переосмысление данная концепция получила в труде свердловских исследователей — Н.В. Федоровой, А.П. Зыкова, В.М. Морозова и Л.М. Тереховой «Сургутское Приобье в эпоху Средневековья» [1991]. В этой работе была детализирована и уточне-

на средневековая хронология региона. По мнению авторов, нижнеобская культура (в поздних работах — нижнеобская историко-культурная общность (ИКО)) сформировалась в лесной зоне Западной Сибири на «позднекулайской» (саровской) основе. Развитие этой общности отражено в сменяемости конкретных хронологических этапов, а именно: карымский (III — начало VI в.), зеленогорский (VI — начало VIII в.), кучиминский (VIII–IX вв.), кинтусовский (конец IX — начало XIII в.) и сайгатинский (XIII–XIV вв.) [Федорова и др., 1991].

Параллельно этому проводимые в течение 1960-х гг. В.Д. Викторовой работы в лесном Зауралье (в бассейнах рек Тавда, Тура и Пышма) позволили автору построить оригинальную локальную периодизацию региона в рамках позднего железного века [Викторова, 1969]. Как и в случае с вышеописанной периодизацией Приобья, основным показателем изменений культуры являлись формы посуды и ее орнаментация. Так, по мнению исследователя, в рамках IV–V вв. на территории Среднего Зауралья сосуществовало несколько традиций, а именно — прыговская, туманская и батырская. Отметим, что на сегодняшний день прыговская традиция отнесена к раннему железному веку, туманская, справедливо выделенная как особенная группа памятников, рассматривается в качестве локального варианта карымского этапа нижнеобской ИКО, а памятники батырского типа сохранились в таксономическом перечне как основное культурное образование в раннем Средневековье [Викторова, Кернер, 2009, с. 96].

Позже В.А. Борзунов и Ю.П. Чемякин реконструировали динамику миграционных процессов таежного населения. По мнению авторов, на III–V вв. приходится максимальное расширение ареала карымских памятников на юг. Это было обусловлено запустением притобольской подтайги в результате ухода основной массы местного — саргатского населения под влиянием орд гуннов. В туманских же материалах авторы видят следы миграций карымского населения на запад — в горнолесное Зауралье [Борзунов, Чемякин, 2013, с. 111].

В середине XX в. в результате исследования серии укрепленных поселений в лесостепной зоне Зауралья была выделена бакальская культура. На сегодняшний день ее памятники являются наиболее изученными в регионе. Полнота научных изысканий отражена в серии диссертационных работ (В.А. Могильникова, Т.Н. Рафиковой, А.С. Зеленкова). Несмотря на то, что центром расселения бакальских коллективов являлась лесостепная полоса Тоболо-Иртышья, где их хронология определяется рамками IV — начала IX в., нередко бакальские памятники встречаются севернее — в подтаежной зоне [Западная Сибирь..., 2022, с. 48–51, 81–89].

В памятниках второй половины I тыс. н.э. В.Д. Викторова видит развитие предшествующего комплекса, т.е. батырского. Данные памятники получили наименование «молчановский тип». Для района верхнего течения р. Тавды было введено понятие тынского типа. На сегодняшний день доказано, что данные памятники маркируют юго-западную часть кинтусовского ареала нижнеобской ИКО [Зыков, 2012, с. 34–36]. Завершающая стадия позднего железного века на территории Зауралья, согласно периодизации В.Д. Викторовой, соотносится с материалами юдинской археологической культуры (X–XIII вв.). В основе ее формирования автор усматривает несколько компонентов, а именно участие молчановских и тынских групп населения [Викторова, 1968, с. 252]. Позднее к их числу было добавлено пертогромское население [Викторова, Кернер, 2009, с. 99–100].

В начале XXI в. исследователи вновь обратились к проблеме генезиса юдинской культуры. Ввиду отсутствия четких критериев разграничения «молчановских» и юдинских комплексов, Т.Н. Рафикова обосновала целесообразность их объединения в единую юдинскую культуру (VII–XIII вв.), где молчановские материалы рассматриваются в качестве ее раннего этапа [Рафикова, 2015, с. 69]. Иной подход представлен в работах А.В. Гордиенко. Автор предполагал наличие двух самостоятельных синхронных культур в VI–IX вв. на территории лесного Притоболья — молчановскую и батырскую. Однако правомерность включения в состав этих культур целого ряда надежно датированных юдинских комплексов вызывает дискуссии в научной среде [Гордиенко, 2016, с. 84–86, рис. 1]. Мы же, в свою очередь, основываясь на абсолютной и относительной хронологии большинства изученных средневековых памятников, считаем целесообразным отказаться от понятия «молчановский тип / этап / культура» ввиду отсутствия достоверных комплексов второй половины I тыс. н.э. Описанные предшествующими исследователями «молчановские» комплексы мы склонны рассматривать в рамках раннего периода юдинской культуры, который, на наш взгляд, датируется IX–XI вв. [Западная Сибирь..., 2022, с. 159–161]. Основным компонентом в сложении юдинской культуры является уральский шнуровой субстрат, под которым в нашем понимании подразумевается петрогромско-батырская культура (V–VIII вв.) [Там же, с. 161–162].

Таким образом, археологические таксоны, составляющие различные схемы периодизации, нередко пересекаются между собой. Например: туманский тип и карымский этап; тынский тип и кинтусовский этап и т.д. Кроме того, в ряде археологических культур лесной полосы Западной Сибири (таких как юдинская и усть-ишимская) выражено влияние таежного компонента — нижнеобской ИКО, что сближает носителей этих традиций между собой [Зыков, 2012, с. 34–43]. Думается, что близость, а порой и идентичность археологического материала, лежащего в основе этих таксономических единиц (тип памятника, археологическая культура, этап историко-культурной общности), может быть объяснена существованием контактной зоны. В ее рамках посредством миграционных процессов, торговых и брачных связей, а также военных столкновений происходило взаимодействие представителей различных традиций. Именно такой контактной зоной и была лесная полоса Нижнего Притоболья. Располагаясь на стыке тайги и лесостепи, Нижнее Притоболье служило пограничьем между ареалами охотничье-рыболовецкой и скотоводческо-земледельческой экономик, что неизбежно вело к активному взаимодействию с населением сопредельных регионов.

Открытые поселенческие комплексы позднего железного века данного региона как объекты длительного формирования отличаются насыщенностью культурных отложений. Это позволяет рассматривать их в качестве основного источника для построения региональных схем периодизации. Особое место в этом ряду занимают укрепленные поселения — городища, которые в I — первой половине II тыс. н.э. на территории Притоболья исчисляются сотнями. Одним из наиболее репрезентативных объектов исследования являются фортификационные сооружения, представляющие собой идеальную хроностратиграфическую колонку. Их изучение способно помочь реконструировать динамику заселения региона, а также раскрыть основные механизмы взаимодействия разнотипных групп населения. В данной работе мы обращаемся к оборонительным сооружениям одного из сложностратифицированных памятников региона — Андрюшина городка (рис. 1, 1).

Источники

Укрепленное поселение Андрюшин городок расположено в Тюменском районе Тюменской области, на юго-восточном берегу оз. Малое Андреевское, находящегося в междуречье Туры и Пышмы. Поселение приурочено к краю берегового вала. Основная часть крепости располагается на вершине этого вала, однако юго-восточная часть памятника привязана к его склону, из-за чего она менее выражена в рельефе, чем северная и северо-западная (рис. 1, 2, 3). Отметим, что в каменном веке на этом месте располагалось поселение, от которого сохранилось значительное число глубоких жилищных западин. Некоторые из них были вписаны средневековыми архитекторами в систему укреплений. Например, крупная западина выполняла функцию рва у северного угла городища.

Крепость представляет собой остатки укрепленной площадки яйцевидной формы, вытянутой по линии ЮЗ–СВ и окруженной со всех сторон системой оборонительных сооружений (ров и вал). Размеры площадки 95×70 м ($S \approx 5200 \text{ м}^2$). Вал шириной от 6 до 7,5 м достигает высоты 0,5 м относительно жилой площадки. Ров шириной от 3,5 до 6 м имеет глубину 0,6–1,1 м относительно napольной поверхности. Перепад высот от вершины вала до дна рва в разных частях памятника составляет от 2 до 2,9 м.

С юго-западной стороны к городищу вплотную примыкает полукруглая площадка площадью $\approx 300 \text{ м}^2$, окруженная неглубоким рвом (до 0,5 м), отделяющим ее от основной части. Предшествующие исследователи описывали ее как «пристройку» [Мошинская, Чернецов, 1953, с. 93]. На жилой площадке зафиксировано минимум 26 жилищных западин округлой формы. Они имеют диаметр от 4,5 до 8,5 м и глубину от 0,25 до 0,75 м. Западины располагаются по периметру площадки и вдоль ее центральной оси, образуя четыре линии (улицы?) (рис. 1, 1).

Исследование древностей Андреевского озера было начато в 1880-е гг. директором Тюменского Александровского реального училища краеведом И.Я. Словцовым. Автор, собирая информацию об археологических памятниках Нижнего Притоболья, зафиксировал несколько так называемых земляных городков, два из которых находились на южном берегу Андреевского озера. Это городища Андрюшин городок и Жилье [Словцов, 1885, с. 9–10]. В 1883 г. И.Я. Словцов предпринял попытку произвести раскопки на площади поселения, заложив несколько небольших разведочных шурфов и траншею через вал и ров в северной части памятника (рис. 1, 1). И.Я. Словцовым не приведена характеристика культурных напластований, однако им были зарисованы и опубликованы находки, происходящие из траншеи. В основном это фрагменты керамической посуды, большинство которой — сосуды эпохи неолита и энеолита, однако встречаются немногочисленные фрагменты керамики позднего железного века (карымская и юдинская) [Словцов, 1885, табл. 15]. Также в куль-

турном слое было обнаружено три костяных наконечника стрел [Словцов, 1885, табл. 14, 46–48], а из дернового слоя «верхнего» вала происходит несколько металлических подвесок. Одна из них, медная монетовидная с ушком для подвешивания [Там же, 1885, табл. 9, 44], датируется IX–XI вв. Нередко аналогичные подвески встречаются в культурных слоях памятников юдинской культуры [Западная Сибирь..., 2022, с. 145].

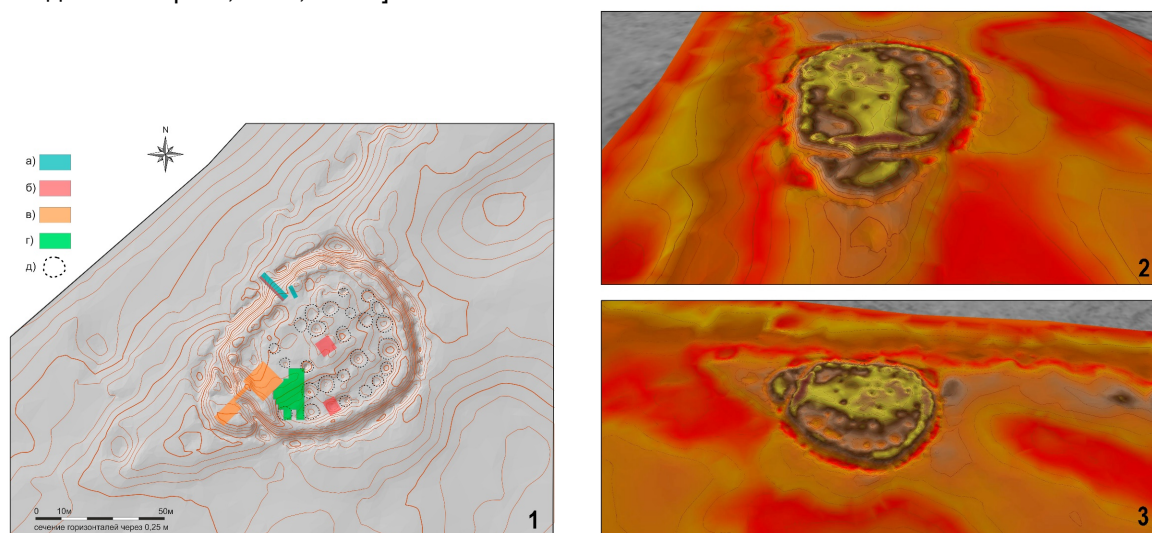

Рис. 1. Инструментальный план Андрюшина городка с нанесением раскопов разных лет (1) (а — раскопы И.Я. Словцова (1883 г.); б — раскопы 1 и 2 В.Н. Чернецова (1951 г.); в — раскопы I и II В.Н. Чернецова (1952 г.); г — раскопы 3 Е.А. Третьякова (2025 г.); д — жилищные западины); 3D-модель памятника, вид с юго-запада (2); 3D-модель памятника, вид с юго-востока (3).

Fig. 1. Instrumental plan of Andryushin Gorodok showing excavations from different years (1), and 3D-models of the site (2, 3).

В 1950-е гг. регион севера Западной Сибири, включая Нижнее Притоболье, был обследован экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской. В 1951 г. авторы двумя раскопами (1 и 2) изучили две полуземлянки в центральной и южной части жилой площадки городища (рис. 1, 1), а также провели зачистку западного борта траншеи И.Я. Словцова (рис. 2, А). По стратиграфии оборонительных сооружений городища авторы предположили, что фортификация крепости обновлялась минимум четыре раза, при этом каждый раз вал подсыпался, а новый ров переносился дальше — в сторону озера [Мошинская, Чернецов, 1953, с. 94]. На основании приуральских аналогий керамике Андрюшина городка памятник предварительно был датирован V–III вв. до н. э. [Мошинская, Чернецов, 1953, с. 98], что в дальнейшем не подтвердилось.

В 1952 г. работы исследователями были продолжены. Раскоп I был заложен в так называемой пристройке — в западной части памятника, а раскоп II размерами 11×11 м, которым была исследована полуземлянка 4, примыкал к внутреннему краю вала в западной части площадки поселения (рис. 1, 1). Два этих раскопа были соединены траншеей, прорезающей ров и вал. Границы этих раскопов определимы и на сегодняшний день. Материалы этого года в полной мере так и не были опубликованы, что привело к определенной путанице в научной литературе. Уже после смерти В.Н. Чернецова, в 1987 г., в свет вышла обобщающая работа «Финно-угры и балты в эпоху средневековья», в которой глава «Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири» была подготовлена В.А. Могильниковым. В этой главе подводился итог изучения так называемых памятников молчановского типа, к числу которых В.А. Могильников отнес и Андрюшин городок. В приложении к данной работе, на плане городка, кроме известной траншеи И.Я. Словцова, были обозначены три подквадратных раскопа в разных частях памятника, принадлежащие В.Н. Чернецову. Это раскопы 1 и 2 1951 г., и раскоп I в так называемой пристройке 1952 г. В свою очередь, раскоп II и траншея через вал 1952 г. на плане отсутствуют [Могильников, 1987, табл. LXVII, 1]. Однако среди иллюстраций есть план безымянного жилища с Андрюшина городка [Могильников, 1987, табл. LXVII, 4], размеры которого идентичны параметрам полуземлянки № 4 (раскоп II, 1952 г.). Вероятно, данная путаница возникла из-за того, что автор не был на памятнике лично, а использовал неопубликованные архивы своего учителя, это и привело к неточности в описании.

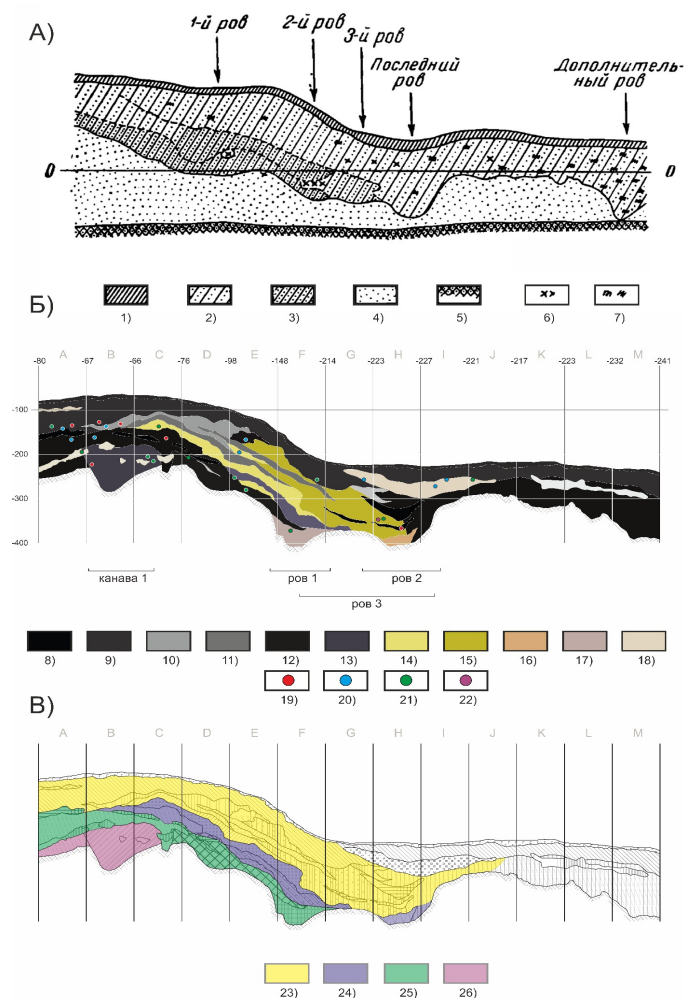

Рис. 2. Стратиграфическая картина западного борта траншеи И.Я. Словцова (1883 г.):

А — чертеж стратиграфического разреза В.И. Мошинской и В.Н. Чернецова (1951 г.): 1 — современный дерновый слой; 2 — мелкий иловатый темноокрашенный современный песок; 3 — то же более темного цвета; 4 — мелкий светлый песок; 5 — крупнозернистый песок с железистыми натечками; 6 — фрагменты керамики; 7 — уголь. Б — чертеж стратиграфического разреза Е.А. Третьякова (2025 г.): 8 — почти черная гумусированная супесь; 9 — темно-серая мешаная супесь; 10 — светло-серая супесь; 11 — серая супесь; 12 — однородная темно-серая супесь; 13 — серо-коричневая супесь; 14 — белесый материковый выброс; 15 — серая мешаная супесь с включениями угля и переотложенного материкового слоя; 16 — коричневый мешанный суглинок; 17 — серо-золистая супесь; 18 — переотложенный материковый слой; 19 — керамика юдинского типа; 20 — керамика бакальского типа; 21 — керамика карымского типа; 22 — керамика «ярсалинского» типа. В — периоды обновления оборонительных сооружений: 23 — вторая половина IX — XI в.; 24 — VI–VIII вв.; 25 — IV–V вв.; 26 — II–III вв.

Fig. 2. Stratigraphic profile of the western wall of I.Ya. Slovtsov's trench (1883).

В 2025 г. памятник был исследован экспедицией лаборатории археологии и этнографии ТюмГУ. В юго-западной части жилой площадки заложили раскоп, примыкающий к юго-восточному краю раскопа II 1952 г. (рис. 1, 1). Кроме того, с целью выделения эпизодов обновления фортификаций была проведена повторная зачистка разреза линии укреплений, выполненного И.Я. Словцовым в 1883 г. (рис. 2). Именно о характере оборонительных сооружений городища пойдет речь в данной работе.

Описание сооружений

Разрез общей протяженностью 13 м отражал последовательность напластований в структуре оборонительных сооружений городка. Для удобства повествования каждый квадрат был пронумерован заглавной буквой латинского алфавита с юга на север от А до М (рис. 2, Б). Забегая вперед, отметим, что зафиксированная нами картина в целом совпадает с наблюдениями В.Н. Чернецова, дополняя их серией важных уточнений.

Общая структура представляется следующим образом. Вслед за дерново-гумусным слоем на всем протяжении разреза прослежен выраженный слой однородной темно-серой супеси

мощностью от 0,25 до 0,5 м, который связан как с самым поздним периодом функционирования фортификаций, так и с естественными процессами почвообразования. В кв. G–I в структуре этого слоя зафиксирована мощная линза переотложенного материкового слоя — отвал из траншей И.Я. Словцова или В.Н. Чернецова, оставленный на уровне дневной поверхности относительно современного дна рва. На валу, уровнем ниже, в кв. B–F зафиксирована серия тонких серых и светло-серых прослоек мощностью 0,1–0,15 м, последовательно сменяющих друг друга. Данные прослойки отражают процессы подсыпки и задерновывания вала. Находки из этих слоев в основном представлены фрагментами керамики юдинской культуры; однако в руинах вала на спуске ко рву встречаются немногочисленные фрагменты бакальской и карымской керамики (рис. 4), перемещенные сюда при копке рва и обновлении вала (рис. 2, Б).

В кв. F–I под темно-серым слоем, с уровня 2,9 м от условного нуля, были зафиксированы очертания самого позднего рва 3. Ров шириной 2,8 м, глубиной 0,8 м в разрезе имел подпрямоугольную форму и нарушал целостность более ранних углублений. Его заполнение — серая мешаная супесь с включениями угля и переотложенного материкового слоя. В его структуре прослежены многочисленные тонкие прослойки почти черной гумусированной супеси, отражающие процессы оползания неустойчивого песчаного вала на дно рва в ходе археологизации. Находки из заполнения рва представлены единичными фрагментами «ярсалинской», карымской и юдинской керамики.

На валу, уровнем ниже в кв. C–F, прослежена мощная прослойка белесого материкового выброса, достигающая мощности 0,5 м при общей протяженности 4,5 м. В теле данного слоя зафиксирована прослойка темно-серой мешаной супеси. В кв. F и G данный слой был нарушен более поздним рвом 3. С сооружениями этого же времени (слой белесого материкового выброса с прослойками темно-серой мешаной супеси), вероятно, соотносятся остатки рва 2, расположенного в кв. H и I. Сохранились лишь придонная часть и внешний край данного рва; остальные части были уничтожены в ходе сооружения более позднего рва 3. Судя по сохранившимся фрагментам рва, его изначальная форма была трапециевидной, глубина составляла около 1,15 м от материка, ширина в верхней части достигала 1,8 м, а в нижней — 0,7 м. В нижней части рва 2 сохранилось его первичное заполнение, представленное коричневым мешаным суглинком.

Рис. 3. Остатки культурных напластований в структуре оборонительных сооружений:
А — разрез вала в кв. A–F, на уровне -225 см; Б — остатки рухнувшей стены — IV–V вв. в кв. D, E на уровне -280 см.

Fig. 3. Remains of cultural layers within the structure of defensive fortifications.

В кв. А–С уровнем ниже залегал слой серо-коричневой супеси общей мощностью до 0,6 м. Данный слой был отделен от предыдущего почти черной прослойкой погребенной почвы, плавно спускающейся в ров (рис. 3, А). В кв. С данный слой в виде ямы прорезал более ранний. Яма в разрезе имела прямоугольную форму, достигая глубины 0,8 м при максимальной ширине 0,25 м. На склоне террасы, в кв. D–F, на уровне материка серо-коричневый слой переходил в слой темно-коричневой супеси с включениями горелой древесины. В кв. D в структуре данного слоя были зафиксированы остатки обугленных деревянных конструкций (рис. 3, Б). Предполагаем, что данные конструкции и темно-коричневый слой являются остатками рухнувшей деревянной стены, возведенной на краю террасы. К этому же строительному горизонту относятся остатки рва 1, зафиксированного в кв. F. Ров частично нарушен более поздним рвом 3. Изначальная форма данного сооружения была трапецевидной, глубина достигала 1 м, ширина в верхней части — 1,8 м, а в нижней — 0,5 м. Заполнение рва 1 на уровне дна было представлено серозолистой супесью. Находки, происходящие из этого слоя, представлены в основном фрагментами керамической посуды карымского типа (рис. 4).

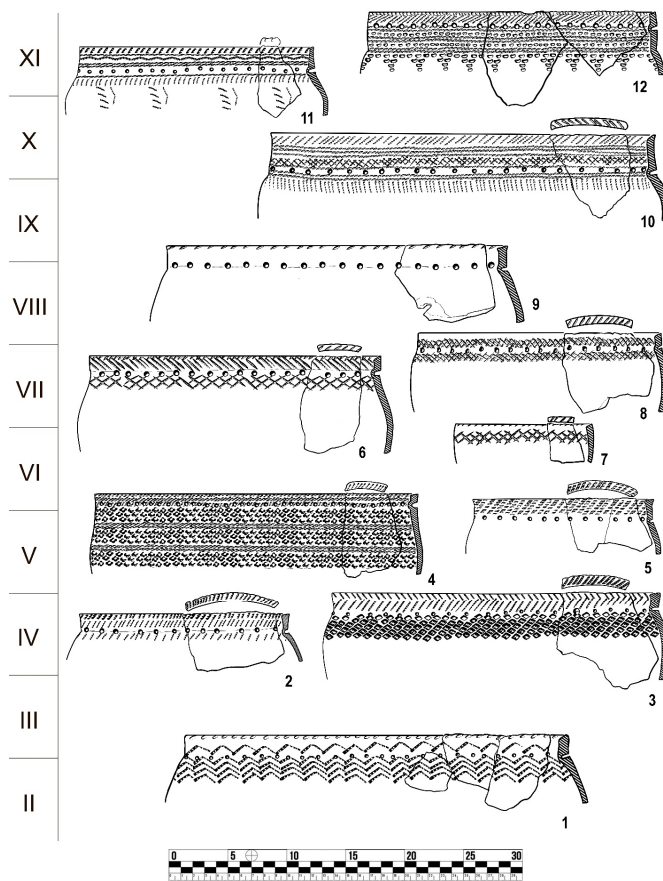

Рис. 4. Хронологическая шкала распределения фрагментов керамической посуды из зачистки (2025 г.) траншеи И.Я. Словцова (1883 г.):

1 — керамика «ярсалинского» типа; 2–5 — керамика карымского типа; 6–9 — керамика бакальского типа; 10–12 — керамика юдинского типа.

Fig. 4. Chronological scale of pottery fragments distribution from the cleaning (2025) of I.Ya. Slotsov's trench (1883): 1 — «Yarsale-type» pottery; 2–5 — Karym-type pottery; 6–9 — Bakal-type pottery; 10–12 — Yudino-type pottery.

К наиболее раннему периоду возведения оборонительных сооружений относится углубление треугольной в разрезе формы, зафиксированное на вершине террасы в кв. D и C, обозначенное нами как канава 1. Ширина канавы в самой верхней части достигала 1 м, а в нижней — 0,4 м. Ее глубина достигала 1 м. Заполнение канавы — черная гумусированная супесь. Верхнее заполнение канавы 1 перекрывала серия линз материкового песчаного выброса, залегавшая на уровне погребенной почвы. В этом же горизонте зафиксированы фрагменты керамики карымского типа (рис. 4).

В кв. К–М, за пределами основных рвов, было зафиксировано ступенчатое углубление глубиной до 1,5 м относительно современной поверхности (рис. 2, Б). Гипотеза В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской о том, что это дополнительный ров, не подтвердилась, так как в его однородном серо-коричневом заполнении зафиксирована керамика, принадлежащая только к эпохе неолита. Полагая, что траншеей была задета часть котлована жилища либо другого сооружения каменного века.

Реконструкция сооружений

Ввиду малого числа узко датированного инвентаря, а также радиоуглеродных дат единственным доступным датированным материалом является керамическая посуда. Как уже отмечалось, Андрюшин городок — многослойное поселение, на котором выделено как минимум четыре керамических комплекса: «ярсалинский», карымский, бакальский и юдинский. Кроме того, в культурном слое жилой площадки зафиксированы немногочисленные фрагменты батырской и петрогромской посуды, однако их число относительно общей выборки не превышает одного процента.

Детализировать хронологические рамки периодов функционирования городища помогают материалы закрытых разнокультурных комплексов, исследованных на южном побережье Андреевских озер — в непосредственной близости от Андрюшина городка. Наиболее ранним комплексом является могильник Козлов Мыс-2, средневековый комплекс которого датируется IV–VI вв. Большая часть захоронений этого времени сопровождается сосудами карымского типа, а также незначительным числом бакальской посуды [Западная Сибирь..., 2022, с. 65, 91–95]. Случаи совместного залегания разнотипной посуды в рамках единых комплексов некрополя не зафиксированы. Это позволяет предполагать более позднюю позицию бакальских захоронений (VI в.) по отношению к карымским (IV–V вв.). Кроме того, в отличие от других комплексов Андреевских озер, например Дуванского I городища [Морозов, 1982, рис. 2, 20], на посуде Андрюшина городка не зафиксированы синкретичные орнаменты, сочетающие резные и фигурно-штампованные элементы. Это, на наш взгляд, также указывает на асинхронность карымских и бакальских комплексов городища. Верхняя хронологическая рамка бакальского горизонта предварительно может быть определена по материалам Перейминского могильника (VII–VIII вв.), в захоронениях которого зафиксирована классическая бакальская посуда с резным и крестовым орнаментом [Матвеева, 2016, рис. 77].

В IX в. южное побережье Андреевского озера было занято носителями юдинской культуры. На это указывают материалы святилища Песьянка-1, где посуда, аналогичная керамике Андрюшина городка (с высокой долей фигурных штампов), была зафиксирована в единых контекстах с монетами и другими предметами IX–XI вв. [Западная Сибирь..., 2022, с. 141]. Более подробно хронология юдинского горизонта городища уже рассматривалась нами ранее [Там же, с. 144]. Эти наблюдения подтвердились материалами, полученными при исследовании жилой площадки¹.

Основываясь на стратиграфических наблюдениях и анализе залегания керамического материала, реконструируем строительные периоды следующим образом.

Первый период (рис. 2, В) соотносится с материалами «ярсалинского» этапа (II–III вв. н.э.) нижнеобской историко-культурной общности (ИКО). С этим временем, судя по всему, связано появление первоначальных оборонительных сооружений, которые, видимо, были представлены частоколом (канавы 1), установленным на краю террасы (береговом валу) для обеспечения более выраженного перепада высот. Исходя из «правила трети», согласно которому высота наземной части забора определяется из соотношения 1:2, максимальная высота частокола II–III вв. н.э. определяется нами в 2 м. Однозначно ответить на вопрос, существовал ли в это время ров, не представляется возможным, так как его контуры могли быть срыты более поздними сооружениями.

Второй период (рис. 2, В) приходится на IV–V вв. и соотносится с древностями карымского этапа нижнеобской ИКО. В это время на руинах бывших укреплений была возведена более совершенная фортификация. Во-первых, был увеличен насыпной вал, а с его внешней стороны установлена новая частокольная стена, высота наземной части которой, исходя из «правила трети», определяется в 1,6–1,7 м. Во-вторых, увеличена крутизна склона за счет того, что край берегового вала был углублен на метр. В-третьих, был выкопан трапециевидный ров 1. Со временем вал оплыл, заполнив ров, а частокольная стена в результате пожара обрушилась вниз. С остатками этой стены связан мощный слой темно-коричневой супеси с включениями горелой древесины, спускающийся вниз по склону берегового вала.

Следующий период (рис. 2, В) обновления оборонительных сооружений датируется VI–VIII вв. и соотносится с бакальской культурой. Конструкции рассматриваемого периода и предшествующе-

¹ Материалы раскопок жилой площадки 2025 г. будут опубликованы отдельно.

го времени отделены друг от друга выраженной гумусированной прослойкой погребенной почвы. Судя по всему, обновление оборонительных сооружений в бакальское время началось с возведения нового рва 2. Так как предыдущий вал значительно ополз, перекрыв собой более ранний ров 1, новый ров 2 был вырыт в метре от первого. Усиление вала производилось за счет перемещения грунта, полученного при копке рва 2. Этим объясняются прослойки перемешанного материкового грунта на поверхности вала того времени. Вопрос наличия деревянной стены на вершине вала в бакальское время остается открытым, так как в разрезе не зафиксировано столбовых ям. Однако по аналогии с другими памятниками этого времени предполагаем, что вал был укреплен как минимум легкой изгородью, которая могла не оставить выраженных следов в стратиграфии.

На финальном этапе (рис. 2, В) существования крепости, в IX–XI вв., оборонительные сооружения были перестроены в четвертый раз. Судя по сопутствующему материалу, обновление оборонительных линий производилось носителями юдинской культуры. В это время был выкопан новый ров 3, нарушавший край раннего рва 1 и внутренний край рва 2 и превосходивший предыдущие сооружения по ширине и глубине. За счет полученного грунта был увеличен объем вала. Процессы подсыпки маркируют прослойки серой и светло-серой супеси, которые ввиду слабой плотности песчаного грунта оплыли обратно в ров в процессе археологизации. Факты наличия деревянных укреплений на вершине вала весьма спорны. С одной стороны, в слоях этого времени были зафиксированы немногочисленные фрагменты горелой древесины. С другой — они не представляли собой какой-либо системы, поэтому могли быть связаны со случайными фрагментами старой древесины, попавшей в тело вала при его подсыпке.

На это же время приходится изменение планиграфии крепости, которое связано с обновлением фортификационных сооружений на последней стадии бытования городища (IX–XI вв.). В частности, западная — наиболее «острая» оконечность площадки была прорезана рвом по линии «СЗ–ЮВ», а из грунта, полученного при его возведении, насыпан вал. В результате появления нового участка оборонительных сооружений площадка разделилась на большую и малую (рис. 5). Исследователи прошлых лет называют малую площадку «пристройкой» [Словцов, 1885, с. 10; Мошинская, Чернецов, 1953, с. 93]. Полагаем, что такое название неприемлемо, так как подразумевает более позднее возникновение малой площадки по отношению к большой, что противоречит нашим наблюдениям.

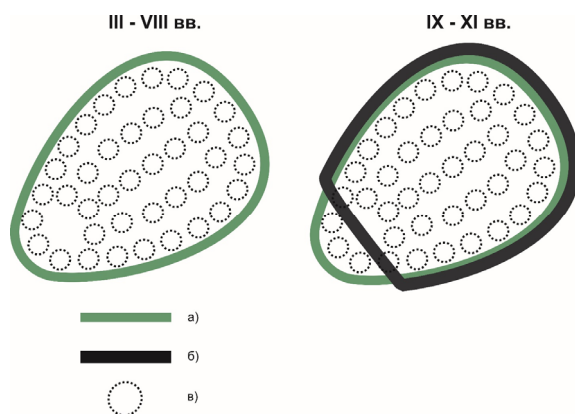

Рис. 5. Этапы перепланировки оборонительных сооружений Андрюшина городка:

а — оборонительные линии II–VIII вв.; б — оборонительные линии IX–XI вв.; в — жилищные западины.

Fig. 5. Stages of remodeling the defensive structures of Andryushin Gorodok:

a — defensive lines of the 2nd–8th centuries; б — defensive lines of the 9th–11th centuries; в — house pits.

Во-первых, оборонительная система малой площадки уступает основной по своим метрическим характеристикам: глубина и ширина рва здесь заметно меньше, а вал выражен неявно. Во-вторых, как отмечается в отчете В.Н. Чернецова, мощность культурного слоя на данном участке значительно ниже, чем на основной площадке [Чернецов, 1952, с. 26–27]. В-третьих, анализ материала показал, что в коллекции В.Н. Чернецова из раскопа I (1952 г.) преобладает керамика IV–VIII вв. (карымского, бакальского и батырского типов) (рис. 6, 1–4, 6–15), в то время как фрагменты посуды IX–XI вв. единичны (рис. 6, 5, 16, 17).

Данные наблюдения позволяют предположить, что «отделение» малой площадки произошло не ранее начала II тыс. н.э. (рис. 5). Ответить на вопрос, что послужило мотивом для изме-

нения планиграфии поселения, сложно; отметим лишь, что среди крепостей юдинской культуры такие случаи не единичны.

Обсуждение

Прежде чем перейти к обсуждению материала, хотелось бы отметить, что сооружения Андрюшина городка по своим масштабам существенно превосходят немногочисленные известные комплексы I тыс. н.э. в Нижнем Притоболье. В частности, мощность культурных напластований на городище значительно выше, чем на селищах СБАО I [Викторова, 1976] и Айгинское VIII [Гордиенко, 2013], относящихся к ярсалинскому и карымскому этапам нижнеобской ИКО. В настоящее время Андрюшин городок — единственное надежно документированное укрепление рассматриваемого периода в регионе. При внешней простоте конструкции (система «ров-вал» с частоколом) данные сооружения обеспечивали крепости высокий уровень защиты.

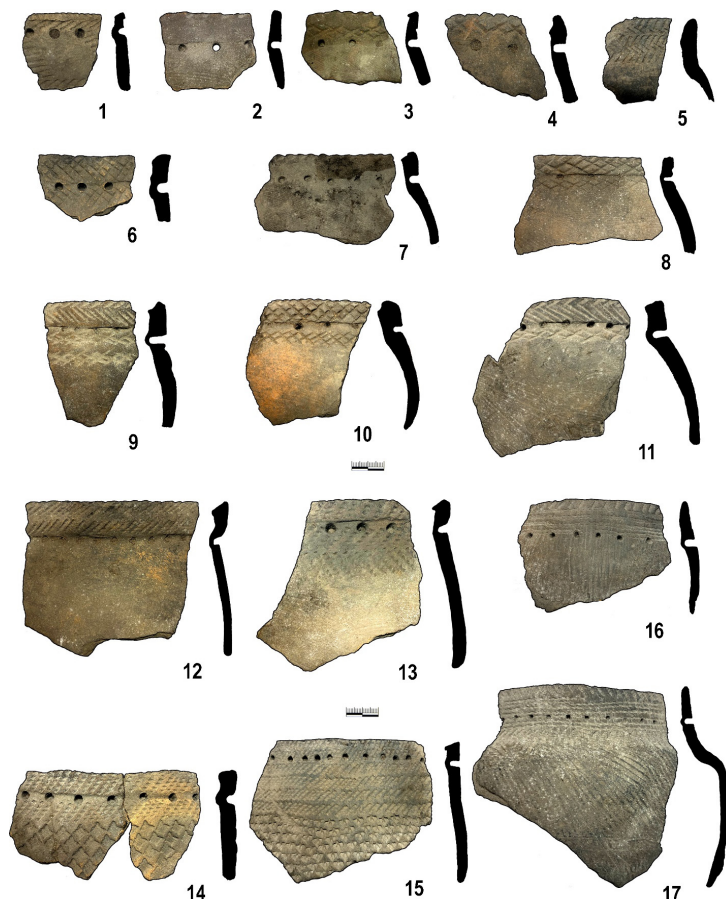

Рис. 6. Фрагменты керамической посуды из «пристройки» раскопа I (1952 г.) В.Н. Чернецова: 1 — керамика батырского типа; 2–4, 6–11 — керамика бакальского типа; 12–15 — керамика карымского типа; 5, 16, 17 — керамика юдинского типа.

Fig. 6. Pottery fragments from the “annex” of excavation I (1952) by V.N. Chernetsov: 1 — Batyr-type pottery; 2–4, 6–11 — Bakal-type pottery; 12–15 — Karym-type pottery; 5, 16, 17 — Yudino-type pottery.

Кроме того, фортификация Андрюшина городка по своей выраженности и характеру заметно отличается от других бакальских крепостей региона — например, городищ Дуванское I [Морозов, 1982], Калачик [Зах, Цембалюк, 2013] и Ревда-2 [Матвеева, Зеленков, 2013], где изучены укрепления второй половины I тыс. н.э. В целом, стоит признать, что бакальские памятники Нижнего Притоболья на фоне синхронных оборонительных систем Тоболо-Исетского междуречья и Приишимья [Матвеева, Сотников, 2024; Матвеева и др., 2024] выглядят весьма скромно, представляя собой слабовыраженные песчаные насыпи. Общий перепад высот таких сооружений (от дна рва до гребня вала) в археологизированном виде не превышал 1,5 м. В этом отношении бакальские фортификации на Андрюшином городке отличаются лишь объемами, пере-

пад высот (от дна рва 2 до гребня вала) здесь составил 2,8 м. При этом технологические приемы возведения насыпного вала из грунта, полученного при копке рва, вполне типичны для оборонительного зодчества бакальского населения.

На рубеже I–II тыс. н.э. в регионе происходят кардинальные историко-культурные перемены. Они обусловлены очередной миграцией таежного населения на юг в Притоболье и сложением на этой основе юдинской культуры. С расселением юдинских коллективов в Нижнем Притоболье распространилась традиция строительства нового типа крепостей с округлой или овальной площадкой и замкнутой линией обороны, иногда дополненной естественным рельефом (замкнутые и подковообразные городища, примыкающие к краю террасы или берега). Несмотря на то, что укрепленные поселения округлой формы известны в регионе с раннего железного века, юдинские городища имели ряд принципиальных отличий: малую площадь (до 4500 м²) и более выраженный характер фортификации. В начале II тыс. н.э. число таких крепостей в Нижнем Притоболье выросло в десятки раз. Они образовали плотную поселенческую сеть вдоль крупных рек и по берегам замкнутых водоемов — таких, например, как Андреевская озерная система. В ряде случаев зафиксированные культурные слои на юдинских поселениях свидетельствуют об их длительном существовании, продолжавшемся до 500 лет.

Раскопки фортификаций на ряде памятников юдинской культуры Нижнего Притоболья — городищах Юдинское [Викторова, Кернер, 1988], Святой Бор V [Матвеева, Бахарева, 2004], Коняшино-2 [Матвеева и др., 2013] и Андреевское-4 [Гродиенко, 2015] — показали наличие как схожих, так и отличительных черт. Так, наряду с монументальными сооружениями (Юдинское, Коняшино-2, Андреевское-4), зафиксированы слабовыраженные укрепления, как, например, на городище Святой Бор V. При этом технологические приемы возведения преград на первый взгляд весьма однообразны и просты: вал состоял из грунта, полученного при выемке и обновлении рвов. Тем не менее остатки бревен и жердей, уложенных перпендикулярно основанию вала на городищах Юдинское [Викторова, Кернер, 1988, с. 130] и Коняшино-2 [Матвеева и др., 2013, с. 36], могут указывать на существование деревянных конструкций — городней с грунтовой забутовкой. Однако малые площади раскопок пока не позволяют говорить об этом однозначно.

На Андрюшином городке поздний юдинский вал, как и предыдущие, имеет насыпной характер; следов деревянной облицовки в его структуре не зафиксировано. Впрочем, древесина могла не сохраниться в условиях сырого песчаного грунта. Но даже с учетом этого оборонительные сооружения в юдинское время оставались весьма внушительными: перепад высот от дна рва до гребня вала составлял свыше 3 м при максимальной ширине рва 2,9 м. Не исключено, что по верху насыпи была возведена деревянная изгородь либо палисад. Наличие таких конструкций можно лишь предполагать, поскольку прямых данных для их реконструкции практически нет.

Нередко наибольшая мощность юдинских фортификаций достигалась за счет повторного использования и обновления заброшенных крепостей I тыс. н.э., как это установлено в случае с Андрюшиным городком. Поздний период существования крепостей характеризовался не только увеличением объема оборонительных линий, но и изменением планиграфии самого поселения. Как мы уже отмечали ранее, случаи изменения формы площадки в результате «отсечения» острых углов наиболее ранней крепости зафиксированы не только на Андрюшином городке, но и на серии других юдинских городищ IX–XI вв., например на городищах Андреевское-4 [Древности..., 2014, рис. 3], Пламя Сибири-6 и -7 [Там же, рис. 11, 12] и Нерда VII. Подобная перепланировка была продиктована стремлением придать фортификациям геометрически правильную округлую форму, что, вероятно, повышало оборонительный потенциал объекта. В связи с этим небольшие площадки не следует трактовать как специальные функциональные пристройки; их появление обусловлено сокращением используемого жилого пространства и исключением избыточных участков на финальных этапах существования поселений.

Заключение

Исследование крупнейшего на территории Нижнего Притоболья укрепленного поселения — Андрюшина городка позволяет подтвердить ранее высказанный тезис о том, что лесная полоса Западной Сибири являлась территорией, где в результате миграционных процессов встречались представители разнотерриториального населения. Динамика заселения Нижнего Притоболья наглядно отражена в распространении по берегам Андреевского озера разнотерриториальных некрополей (например, Козловский и Перейменский) и в стратиграфической картине оборонительных сооружений городка. Эти сооружения в виде рвов и насыпных валов демонстрируют минимум четыре периода обновления и перестройки фортификаций крепости.

Первый период приходится на II–III вв., когда представителями «ярсалинской» традиции на вершине берегового вала озера была воздвигнута крепость, обнесенная частоколом. На следующем этапе (IV–V вв.) оборонительные сооружения были значительно усилены представителями карымского этапа нижнеобской ИКО. У основания берегового вала был выкопан ров, а на вершине был возведен первоначальный земляной вал, который с внешней стороны укрепили новым частоколом. Судя по всему, к началу VI в. поселение было заброшено, о чем свидетельствует рухнувший в еще не оплывший ров частокол. Последующий период связан с продвижением в лесную зону лесостепного населения — носителей бакальской культуры. В VI–VIII вв. был вырыт новый ров, а вал заново насыпан за счет грунта, извлеченного из рва. Финальный период обновления укреплений, который приходится на вторую половину IX — XI в., был самым масштабным. В это время юдинскими мастерами был выкопан наиболее крупный ров и насыпан очередной вал. Несмотря на отсутствие в структуре оборонительной линии деревянных сооружений (по типу клетей или городней), такие фортификации являлись внушительными по местным меркам оборонительными укреплениями.

Длительный период существования Андрюшина городка может объясняться желанием контролировать богатые природные ресурсы побережья озера, а активное строительство и обновление фортификаций — обострившимися конфликтами в поликультурной среде в борьбе за эти ресурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 217–261.
- Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // Ученые записки Пермского государственного университета. 1968. № 191. С. 240–256.
- Викторова В.Д. Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского озера у г. Тюмени // Вопросы археологии Приобья. Тюмень. 1976. С. 63–88.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1988. Вып. 19. С. 129–141.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев р. Исети (эпоха позднего железного века) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2009. № 2 (28). С. 95–107.
- Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 174–178.
- Гордиенко А.В. Нижнее Притоболье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 47–57.
- Гордиенко А.В. Среднее Зауралье в эпоху раннего средневековья. Тюмень: РИЦ ТГИК, 2016. 230 с.
- Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: Взаимодействие этнокультурных общностей / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2022. 260 с.
- Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чукунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы. Новосибирск: Наука, 2014. Т. 1. 225 с.
- Зах В.А., Цембалюк С.И. Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 54–67.
- Зыков А.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н. Средневековое городище Святой Бор-5 в лесном Зауралье // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 174–184.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С. Ревда-2-1 — новый памятник средневековой эпохи в Западной Сибири // AB ORIGINE: Археолого-этнографический сборник ТюмГУ. Тюмень, 2015. Вып. 7. С. 58–73.
- Матвеева Н.П., Сотников В.А. О характере зауральских городищ эпохи раннего средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2 (65). С. 84–97. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-7>.
- Матвеева Н.П., Пластеева Н.А., Чукунова И.Ю. Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье // AB ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. 2013. Вып. 5. С. 34–64.
- Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Третьяков Е.А., Якимов А.С. Фортификации Усть-Терсюкского городища эпохи раннего средневековья // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 4. С. 708–720. <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.4.047>
- Могильников В.А. Лесостепное Зауралье // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Морозов В.М. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // ВАН. 1982. Вып. 16. С. 125–141.

Третьяков Е.А.

- Мошинская В.И., Чернецов В.Н. Городище Андрюшин городок // КСИА. 1953. № 51. С. 93–98.
- Рафикова Т.Н. Керамический комплекс костяка Песчанка-1: (К проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 61–71.
- Словцов И.Я. О находках предметов каменного периода близ г. Тюмени в 1883 г. // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1885. Кн. 7. Вып. 1. 59 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2004. 136 с.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. 1957. 334 с. (МИА; № 58).

ИСТОЧНИКИ

- Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции в 1952 г. М., 1952 // Архив ИА РАН. Р-1. № 891.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции в 1951 г. (Кемеровская, Тюменская области). М., 1951 // Архив ИА РАН. Р-1. № 644.
- Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: (Опыт систематизации археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.

Tretyakov E.A.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, gor-tom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

Fortifications of Andryushin Gorodok: the evolution of Late Iron Age defensive structures in the Lower Tobol region

Summary. This article investigates the evolution of the fortifications of Andryushin Gorodok — the largest fortified site of the Late Iron Age in the Lower Tobol region (Tyumen Oblast). Through a re-examination of the stratigraphic data from the trenches excavated by I.Ya. Slovtsov (1883) and V.N. Chernetsov (1951), the study introduces several important refinements to the chronology of the deposits and to the delineation of periods during which the defensive structures underwent renewal. Fieldwork conducted in 2025 revealed at least four construction phases of the defensive lines. The initial phase of fortification, represented by a palisade, dates to the 2nd–3rd centuries AD (Yarsale stage). In the 4th–5th centuries (Karym stage), the defensive system was reinforced with a ditch and an earthen rampart. In the 6th–8th centuries (Bakal Culture), the ditch underwent renovation. The most substantial reconstruction took place in the 9th–11th centuries (Yudino Culture), which involved the excavation of the deepest ditch, the enlargement of the rampart, and the modification of the fortress layout by “cutting off” the western, more sharply contoured segment of the platform. It is concluded that the observed dynamics of fortifications reconstruction reflect the succession of cultural traditions, whose bearers migrated into the Lower Tobol region from various areas of Western Siberia.

Keywords: Western Siberia, Lower Tobol region, Andreevskoe Lake system, Late Iron Age, Middle Ages, fortification.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, No. 126022618029-1.

REFERENCES

- Chernetsov, V.N. (1957). Lower Ob region in the 1st millennium AD. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (58). (Rus.).
- Fedorova, N.V., Zykov, A.P., Morozov, V.M., Terekhova, L.M. (1991). Surgut Ob` river basin in the Middle Ages. *Urals archaeological issues*, (20), 126–145. (Rus.).
- Gordienko A.V. (2013) The Lower Tobol region in the first half of the 1st millennium AD (on the materials of excavations at Aiginskoe VIII settlement. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 20(1), 47–57. (Rus.). https://www.ipdn.ru/_private/a20/47-57.pdf
- Gordienko A.V. (2016). *Middle Trans-Urals in the Early Middle Ages*. Tyumen: RITs TGIK. (Rus.).
- Matveeva N.P. (2016). *Western Siberia in the Era of the Migration Period: (Problems of cultural genesis according to funeral monuments)*. Tiumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Matveeva N.P., Bakhareva T.N. (2004). The Medieval fortified settlement of Svyatoy Bor-5 in the forest Trans-Urals. *Chetvertye Bersovskie chteniia*, (4), 174–184. (Rus.).
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S. (2015). Revda-2-1 – a new site of the Medieval era in Western Siberia. *Konyashino-2 settlement in the subtaiga TransUrals. AB ORIGINE*, (7), 58–73. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Sotnikov, V.A. (2024). On the nature of Trans-Ural hillforts of the Early Middle Ages. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 65(2), 84–97. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-7>
- Matveeva, N.P., Plasteeva, N.A., Chikunova, I.Yu. (2013). Konyashino-2 settlement in the subtaiga Trans Urals. *AB ORIGINE*, (5), 34–64. (Rus.).

- Matveeva, N.P., Rafikova, T.N., Tretiakov, E.A., & Yakimov, A.S. (2024). Fortifications of the Ust-Tersyuk hillfort of the Early Middle Ages. *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik*, 24(4), 708–720. <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.4.047>
- Matveeva, N.P. (Ed.) (2022). *Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of ethnocultural communities*. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1987). Forest-steppe Trans-Urals. In: V.V. Sedov (Ed.). *Arkheologiya SSSR. Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya*. Moscow: Nauka, 163–235. (Rus.).
- Moshinskaia V.I., Chernetsov V.N. (1953). The fortified settlement of Andryushin gorodok. *Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture*, (51), 93–98. (Rus.).
- Morozov, V.M. (1982). Medieval settlements and dwellings on the Duvan River. *Urals archaeological issues*, (20), 126–145. (Rus.).
- Rafikova T.N. (2015). A pottery complex from Pesyanka-1 bone bed: (On chronology and periodization of the Yudino culture). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 30(3), 61–71. (Rus.). https://www.ipdn.ru/_private/a30/61-71.pdf
- Slovtsov I.Ia. (1885). On the finds of stone period objects near Tyumen in 1883. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 7. Vyp. 1*. Omsk. (Rus.).
- Troitskaia, T.N., Novikov, A.V. (2004). *Archaeology of the West Siberian Plain*. Novosibirsk. (Rus.).
- Viktorova, V.D. (1968). Archaeological sites of the forest Trans-Ural region in the 10th–13th centuries AD. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, (191), 240–256. (Rus.).
- Viktorova V.D. (1976). Late Iron Age Settlement on the Northern Shore of Lake Andreevskoe near Tyumen. In: *Voprosy arkheologii Priob'ya*, 63–88. (Rus.).
- Viktorova, V.D., Kerner V.F. (1988). Iron Age sites near Lake Osinovoye. *Urals archaeological issues*, (19), 126–145. (Rus.).
- Viktorova, V.D., Morozov, V.M. (1993). Middle Trans-Urals in the Late Iron Age. In: *Kochevniki Uralo-Kazhastanskikh stepej*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 174–178. (Rus.).
- Zakh, V.A., Tsembalyuk, S.I. (2013). Early Iron Age and Medieval complexes of the Kalachik 1 hillfort in the Lower Tobol region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 22(3). 54–67. (Rus.). https://www.ipdn.ru/_private/a22/54-67.pdf
- Zakh, V.A., Usacheva, I.V., Zimina, O.Yu., Skochina, S.N., Chikunova, I.Yu. (2014). *Antiquities of the Andreevskoye Lake sistem*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zykov, A.P. (2012). *Barsova Gora: Essays on the archaeology of the Surgut Ob region. The Middle Ages and Modern Times*. Yekaterinburg: Uralskij rabochij. (Rus.).

© Третьяков Е.А., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 06.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Третьяков Евгений Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the author: Tretyakov, Evgeny A., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.